

События 1991—1992 гг. завершили более чем семидесятилетнее существование советского строя. Этот строй рухнул, не выдержав военно-политического и экономического, как, впрочем, и социального, и культурного соревнования с общественным и экономическим строем развитых стран. Крушение советской системы, его обстоятельства и причины неизбежно влекут за собой новую фазу дискуссии о 1917 годе как в самой России, так и в странах, входивших ранее в состав СССР. Сама по себе эта дискуссия не является, конечно, историографической, но она тем не менее сильно влияет на позиции историков, на их видение исторических событий, на их отношение к собственным историографическим построениям прошлого.

Особенностью новой фазы, дискуссии о 1917 годе является то, что она разворачивается на базе Гораздо более полных, чем прежде, знаний об общественном развитии России начала XX в. и о событиях послеоктябрьского периода. Много интересных исследований сделано западной историографией последних десятилетий¹. Советская историография также представлена рядом крупных трудов, особенно в области экономической и социальной действительности России, хотя некоторые перспективные направления исследований, такие, например, как «многоукладность» российской экономики (К. Н. Тарковский, П. В. Волобуев и др.), не получили должного развития. Поэтому сегодня дискуссия неизбежно затрагивает не только саму интерпретацию общественных явлений и событий 1917 г. как таковых, но охватывает и методологические подходы к проблеме, и общие вопросы взаимоотношений науки и политики.

Западная историография стоит в известном смысле в стороне от этой дискуссии в странах СНГ. Это обуславливается уже хотя бы тем, что видение российского и советского прошлого западными историками оказалось на поверку гораздо более точным и полным, чем видение советских историков; хотя и оно не было лишено влияния идеологии и политики.

Российская историография Октября развивалась на базе монополярной идеологии (исключение составляли работы диссидентов и эмигрантов). Сегодня любые дискуссии в ней приобретают характер крутой ломки устоявшихся исторических представлений. Неслучайно поэтому некоторыми ее участниками такое положение дел воспринималось как глубокий кризис науки². Следует признать, видимо, что кризис имеет место, и вряд ли преодоление его возможно простыми заимствованиями из западной науки, так как российская историография усвоила иной круг понятий и создала иную картину своего исторического прошлого. Она привила определенное видение этого прошлого широким слоям населения, и ей предстоит критически переработать основные концепции истории России.

Сходные процессы ломки представлений о российской революции, как, впрочем, обо всем периоде социалистического строительства, переживала в свое время чешская и словацкая историография. Под влиянием хрущевской «десталинизации» эта ломка приобрела интенсивный характер уже в 60-е гг. Она кульминировала затем после 1968 г. в литературе чехословацкой эмиграции³. В оформлении новых взглядов чешских и словацких историков немалую роль сыграло знакомство с работами западных исследователей старшего поколения, с трудами Л. Д. Троцкого⁴, а также с исследованиями советских историков (Тарновский, Данилов, Некрич, Бурджалов, Лейбзон, Ширин и др.) и чехословацких историков (Масарик и Славик⁵).

Аналогичны и тенденции развития историографии российской революции и вообще истории СССР в других странах СНГ.

Импульс к написанию этой статьи дала конференция о судьбах историографии, состоявшаяся в Москве в апреле 1993 г. по инициативе редакции журнала «Отечественная история»⁶.

Сегодня вряд ли кто сомневается в том, что в официальной советской интерпретации революции 1917 г. степень социально-экономической и культурной зрелости дореволюционной России завышалась. Эта переоценка часто была предметом критики западных историков и экономистов, а

***Рейман Михал.** доктор исторических наук, профессор, директор Вольного института г. Берлина.

Рукопись получена редакцией 29 июня 1993 г.

также последователей концепции «многоукладности» в советской историографии. Ее причины представляются достаточно очевидными. Большевизм, в первую очередь ленинизм, ставший основой советских официальных исторических концепций, исходил из сравнимости российского экономико-социального развития с европейским. Для этого необходимо было доказать социально-экономическую зрелость России и ведущую роль в жизни общества пролетариата, руководимого большевистской партией, и, следовательно, для послеоктябрьского периода важно было обосновать социально-экономическую подготовленность России для строительства и построения социализма. Экономическая отсталость России признавалась поэтому лишь в ограниченных рамках. С середины 20-х гг. упоминания о недостаточной подготовленности России для социализма стали вообще квалифицироваться как «троцкизм». Трезвые оценки уровня экономического развития России стали тем самым невозможны.

Нет необходимости особо доказывать, что дореволюционная Россия сильно отставала от передовых стран тогдашнего мира. Данные об этом можно найти в ряде работ российских авторов. Споры, однако, вызывал характер отставания. Официальная советская идеология преуменьшала его значение, подчеркивала его внешние, преходящие причины. Более правильным тем не менее было бы говорить об органическом характере этого отставания. Российскому развитию по ряду обстоятельств была свойственна замедленная динамика общественных процессов.

Большую роль в развитии России начиная с XVII в. играли связи с Европой. Они способствовали ускорению развития, созданию новых источников роста общественного богатства в стране. Благодаря этим связям Россия могла заимствовать из Европы более современные формы производства, научные знания и культуру. В петровские времена Россия окончательно вступила в круг европейских великих держав и была вовлечена в контекст европейских отношений, что требовало постоянного напряжения и модернизации, особенно вначале, и это был не столько стихийный, сколько целенаправленный процесс при содействии государственной власти. Наряду со старыми, традиционными структурами и институтами в России росли новые, европейские, что объяснялось не только простым усложнением внутренних процессов. По меткому определению Т. Г. Масарика, возникли две России: Россия старая, традиционная, с допетровской культурой, и Россия новая, европейская.

Не вдаваясь в подробности российского развития в послепетровскую эпоху, отметим лишь некоторые его моменты. Заимствование, перенесение в Россию и развитие здесь новых хозяйственных форм, науки и культуры содействовало прогрессу, влияло на жизнь ее главных административных и экономических центров. В то же время оно, однако, не устранило отставания страны и причин, его порождавших. Новые экономические, социальные и культурные институты и отношения быстро подпадали под влияние традиционной российской среды, приспособлялись к ней, нередко теряли свое первоначальное назначение и характер. Государственная власть, поддерживая модернизацию, понимала зачастую свою роль весьма ограниченно. Она подчиняла модернизацию своим властным потребностям, прежде всего потребностям армии и флота. Модернизация не должна была в то же время подрывать устои традиционного строя государственной и общественной жизни. В некоторые периоды власть попадала, правда, под влияние либеральных настроений (так было, например, во времена правления Екатерины II, Александра I и Александра II), но продолжительное влияние на нее оказывали в основном лишь консервативные слои дворянства и высшей бюрократии. Европейская цивилизация и культура сохраняли поэтому в России долгое время черты исключительности и искусственности, охватывая относительно узкую сферу жизни, (территориально, если не считать западных регионов империи, которые не относились к сфере культурно-религиозного господства православия, главным образом Петербург). Вместе с тем на огромных пространствах страны продолжали господствовать традиционный строй и образ жизни, характеризовавшиеся патриархальностью, крепостничеством, привилегированным положением дворянства, всевластием государства, его бюрократии и военщины.

Положение начало существенно меняться лишь со второй половины XIX в. К этому подтолкнуло поражение России в Крымской войне. Было отменено крепостное право, осуществлены административные, судебные и военные реформы, реализована относительно широкая программа строительства железных дорог. Государство поддерживало развитие тяжелой промышленности и стимулировало рост крупного предпринимательства. Тогда же значительно усилился приток в Россию иностранных капиталов, импорт европейской техники, технологии, культуры и научных знаний. На юге и западе европейской части империи начало быстро развиваться рыночное сельское хозяйство. В течение нескольких десятилетий в России произошли большие сдвиги в характере

и структуре экономики и социальных отношений. В совокупности они означали, что Россия быстро шла в сторону капитализма, в сторону промышленной цивилизации.

Касаюсь этих известных в литературе сторон истории России главным образом потому, что эти факты послужили для официальной советской историографии доказательством среднего уровня зрелости российского капитализма и его сравнимости с капитализмом развитых стран. Трудно оспорим тем не менее вывод о том, что дореволюционная Россия даже в период своего наивысшего развития и роста перед первой мировой войной все еще была далека от уровня развитых передовых стран¹¹, оставаясь страной двух культурных и цивилизационных плоскостей: разлагающейся традиционной, российской и новой, европейской.

Для оценки степени зрелости российского капитализма накануне Октября для нас важным является не только то, что в официальной советской историографии признавалось, но и то, что сознательно замалчивалось¹².

Россия прошла период быстрого роста капиталистического хозяйства в относительно короткий исторический срок, поскольку она развивалась в условиях соседства с передовыми странами. Ей удавалось даже «перепрыгивать» некоторые фазы хозяйственного развития. Обратной стороной такого процесса было, однако, то, что прогресс крупной промышленности сопровождался целым рядом экономических, социальных, культурных и общественно-политических феноменов, свойственных ранним стадиям капитализма. Так, высокий уровень развития крупной промышленности и финансовой системы не обеспечивался соответствующим состоянием социальной структуры общества. К тому же в стране большой удельный вес составляли области и районы с низким уровнем производства, с господством патриархальных отношений, остатков крепостничества. В них сохранялись традиционные представления, культура, стиль и строй жизни.

Следствием такого положения были слабость и незрелость «среднего слоя» в городе и в деревне. Это отмечали еще дореволюционные авторы, об этом говорил как о факторе российской революции П. Н. Милюков¹³. Особенно это было характерно для крестьянства, наиболее многочисленного слоя российского населения. Непосредственно перед первой мировой войной развитие деревни, правда, ускорилось. Правительство предприняло ряд шагов по разрушению общинного строя с целью помочь части наиболее крепких хозяйств интенсифицировать производство в деревне. Однако программа модернизации аграрного сектора не была полностью реализована, не было создано широкого социального слоя, достаточно сильно втянутого в буржуазные отношения, что и предопределило дальнейшую судьбу России.

Главным тезисом советской концепции российской революции был тезис о наличии в России XX в. типичных классов буржуазного общества — буржуазии и пролетариата и об их противоречии, разрешившемся в революции 1917 г. Правда, признавалось, что российская буржуазия была более слабой и менее опытной, чем буржуазия передовых европейских стран, зато пролетариат провозглашался более зрелым, чем европейский.

Что касается российской буржуазии, то с тезисом о ее социальной и экономической слабости трудно не согласиться. Действительно, она была молодым классом, зависимым от государственной бюрократии, права ее были существенно ограничены. Кроме того, в экономике России немалую роль играл иностранный капитал. Естественно, что в социальной жизни российского общества отечественная буржуазия играла незначительную роль. Основные политические рычаги находились в руках либерального слоя интеллигенции и либеральных представителей дворянства. В среде самих предпринимателей, это отметил еще В. Чернов, было относительно мало лиц, которых можно было бы назвать по праву представителями этого слоя. Они появляются только после революции 1905—1907 гг., особенно в последние довоенные и дореволюционные годы.

К тому же российская буржуазия относительно поздно оформилась в сословные политические организации. Характерно было и то, что их созданию не предшествовало возникновение в России организаций социалистических, ставивших своей целью представительство интересов рабочих и организации народнического типа, отстаивавших интересы крестьянства. В России возникли, таким образом, особые условия, препятствовавшие распространению и укреплению идейного и политического влияния буржуазных экономических слоев.

Тезис об экономической зрелости пролетариата в России накануне пролетарской революции вызывает серьезные возражения. Главным аргументом в пользу этого тезиса в официальной советской историографии служил факт относительно раннего возникновения социалистических партий, в частности большевистского направления в русской социал-демократии, что трактовалось

как доказательство политической и, следовательно, социально-экономической зрелости революционного рабочего движения.

Возникновение социалистических партий было, однако, в России не столько следствием особой активности самих рабочих, сколько результатом деятельности революционной российской интеллигенции. В этом отношении российский путь развития рабочего и социалистического движения отличался от сходных европейских образцов. В Европе в оформлении рабочего движения существенную роль играла борьба самих рабочих за свои повседневные требования. В нее вступали — это характерно в особенности для Центральной Европы — представители либеральных политических течений, содействовавшие основанию рабочих организаций, оформлению их требований, представлений об обществе и о перспективах его развития. Влияние либеральных идей на рабочее движение было, однако, в целом относительно рано преодолено. Социалистическая идеология, пришедшая им на смену, накладывалась на уже достаточно самостоятельное рабочее движение и оформленные рабочие организации. Европейское рабочее движение никогда не было только социалистическим или созданным социалистической интеллигенцией. Оно было вполне самостоятельным. Напротив, в России социалистическая интеллигенция создавала не только рабочие организации, но и выдвигала требования, от имени рабочих и оформляла и обосновывала методы их политической борьбы. Именно поэтому для России было типично превосходство социалистической идеологии, носителями которой была

2- 15

интеллигенция, стоявшая над «тред-юнионистской» организацией самих рабочих, возникавшей постепенно в ходе борьбы рабочих за повседневные экономические требования.

Промышленный пролетариат не был в России многочисленным классом. Исследователи долгие годы говорили о 4—4,5 млн. человек, включая миллион железнодорожных рабочих и служащих. Советской историографией были предприняты попытки завесить его численность (нередко весьма существенно). Не вдаваясь в методичку подсчетов, ограничимся признанием факта, что промышленный пролетариат был относительно малой частью 160-миллионного населения империи.

Таким образом, факты не подтверждают тезисов об особой экономической и политической зрелости российского пролетариата. В лучшем случае можно говорить о радикальности общественно-политических взглядов определенной части рабочих. При этом характер такого радикализма требует дополнительного исследования. Относительной непродолжительностью периода интенсивного промышленного роста объясняется то, что большая часть рабочих была занята в промышленности лишь в первом и втором поколении, как правило, около 10—20 лет¹⁷. Эти рабочие в своем большинстве не имели еще времени избавиться от громадного запаса представлений, навыков, психологии их прежней, преимущественно деревенской среды, не успели еще «повариться» в «фабричном котле», усвоить новый стиль и дисциплину городской и фабричной жизни.

Рабочие ведущих промышленных центров, в первую очередь Петербурга и Москвы, были, конечно, более социально зрелыми. На них воздействовала городская культурная среда, интенсивная общественная и политическая жизнь. В провинциальных же городах, даже относительно больших, культурный уровень рабочих оставался в целом низким, как и их профессиональная подготовленность. Государственно-политический и общественный строй дореволюционной России не давал при этом рабочим необходимых навыков и опыта активного участия в общественной и политической жизни. Рабочие организации, а в еще большей степени социалистические партии оставались долгое время нелегальными, доступными малой части рабочих, преимущественно в крупных промышленных и городских центрах. Лишь незадолго до первой мировой войны рабочие организации, социалистические партии и большевики обрели статус легальности. Начали выходить рабочие газеты и журналы. Но мировая война свела затем на нет эти социальные завоевания.

Объективности ради следует признать, что уровень социальной зрелости российского пролетариата, как и российского рабочего движения в целом, сильно отставал от аналогичного показателя в развитых странах. Он превышал его только в одном отношении — в степени радикализма рабочих выступлений, в степени их политической нацеленности против существующего общественно-политического строя. Такой радикализм вытекал не из особой идейной или политической подготовленности, а из незавершенности буржуазно-демократических преобразований, из характера бюрократического и полицейского режима, ставившего препятствия на пути борьбы даже за повседневные требования, из трудности положения рабочих в отсталой стране, в которой развивающаяся промышленность разрушала традиционные структуры, не создавая в то же время для миллионов людей достаточных возможностей найти свое место в новом строе общественных отношений.

Нет никаких оснований утверждать, что дореволюционная Россия зрела для социалистической революции, как это мыслилось в категориях марксизма. Россия не была тогда готова не только для социалистического переворота, она не вполне созрела даже для переворота, завершающего процессы становления буржуазного общественно-политического строя. По ряду параметров она более соответствовала европейским странам в ранний период развития в них капитализма. Российская революция свершилась в условиях зрелого капитализма европейских стран.

Автор этих строк не принадлежит к сторонникам идеи, согласно которой всякая революция является необходимым элементом смены общественно-экономических формаций, поступательного развития общества. Революция является продуктом общественного кризиса, неспособности властных и административных структур открыть простор для необходимых новаций. В России, с ее относительной замкнутостью по отношению к внешнему миру, такое положение вещей выявлялось, как правило, входе военных столкновений с другими державами: так было в 1861, 1905 и 1917 гг. Под влиянием марксизма в исторической литературе, особенно советской, дается высокая оценка российской революции как положительного фактора истории. Такая оценка не представляется бесспорной. Революция (оставляю в стороне проблему новейших «бархатных» революций) является решением крайним, а потому, как правило, исключительно болезненным. Общество сходит с рельсов, и поставить его на них вновь — дело далеко не простое. Революция поэтому всегда означает большие потери и сопровождается — в силу своих деструктивных аспектов — рядом отрицательных явлений и последствий. Нигде не сказано, что революция в своем конечном итоге принесет обществу положительные завоевания, она может также заложить такое направление и тренд развития, которые со временем могут оказаться неблагоприятными. Об этом особенно важно задуматься там, где, как в России, революции развиваются на базе экономически отсталого общества, форсирующего модернизацию, насаждаемую или обеспечиваемую мерами сверху. Революция здесь является часто не только выступлением против старой власти, она направляется также против осуществляемой ею модернизации и может вести или приводит к регрессу общества. Российскую революцию 1917 г. невозможно отделить от последствий и влияния четырех лет мировой войны. Война перенапрягла возможности экономики, социальных отношений, политического и административного строя страны; война принесла России не военные успехи, а ряд тяжелейших поражений. Следствием внешних неудач было падение авторитета власти. Все это привело к падению института монархии. Конечно, в числе причин можно назвать и факт разложения окружения царской семьи, определить роль в этом Распутина и т. д. Но, думается, главным фактором, ведущим к революции, было перенапряжение общества, вызванное войной. Именно оно выявило всю глубину недугов, массовое недовольство. При этом перенапряженность крайне сузила простор для политического и социального маневра, ограничила возможность альтернатив. Это было, очевидно, одной из основных причин, почему власти не проявили в феврале 1917 г. достаточной жестокости и твердости в борьбе со вспыхнувшими в Петрограде стихийными волнениями.

Февраль 1917 г. вырос, таким образом, не из зрелости российского капитализма и его противоречий, а из недостаточной развитости в России современной экономики, отсутствия стабильности и устойчивости социальных и политических отношений. Именно эти обстоятельства парадоксально сказались на жизнеспособности архаической административной и государственно-политической системы. Эта система не выдержала перегрузок и рухнула.

Февральская революция не была результатом сознательного выступления какой-либо революционной партии или группы таких партий. Она вспыхнула неожиданно и для властей, и для революционеров как результат стихийного взрыва недовольства петроградских женщин, выстаивавших долгие часы у продуктовых лавок, и была, таким образом, прямым результатом того, что власти перестали справляться с обеспечением элементарного хода повседневной жизни.

Действительная проблема Февраля 1917 г. заключалась в том, что старый строй в России обрушился раньше, чем созрели все предпосылки оформления буржуазного общественного порядка. Под развалинами старого строя оказалось, с одной стороны, еще недостроенное здание новой промышленной цивилизации, с другой — обломки и остатки традиционных отношений и традиционной культуры, разные элементы докапиталистических и раннекапиталистических укладов, еще не абсорбированные и не включенные в новый порядок вещей. И, если пользоваться марксистским

понятийным аппаратом, то о Феврале 1917 г. пришлось бы говорить как о не вполне созревшей буржуазной революции империалистической эпохи капитализма.

Проблема состоит, однако, в том, насколько характер революции 1917 г. можно вообще выразить в категориях традиционного понятийного аппарата марксизма. В прошлом я защищал мнение о том, что 1917 год в России представлял собой единый революционный процесс¹⁸. Сегодня оно мне не представляется вполне бесспорным. Февральская революция поддается выражению в рамках понятийного аппарата, применяемого к буржуазным переворотам; о ней можно с известными ограничениями говорить как о демократической революции. Но как охарактеризовать революцию 1917 г. в целом? Ведь Октябрь не может считаться буржуазной революцией, поскольку он не только не вел к установлению буржуазного строя, а, наоборот, разрушил и уничтожил его дореволюционные элементы и зачатки, полностью ликвидировал буржуазные слои населения, в том числе и буржуазные слои крестьянства. Октябрь также не может считаться революцией демократической, поскольку он не только не установил демократии, а заложил в России основы тоталитарного слоя, гораздо более жесткого, чем прежнее российское самодержавие. Понятийную дилемму не решают и новые попытки характеризовать Октябрь 1917 г. как «большевистский путч» или как «большевистскую контрреволюцию». Во-первых, это в действительности не так уж ново, а, во-вторых, что главное, такие попытки являются не чем иным, как обратной стороной той идеализации роли революций в истории, о которой уже говорилось выше.

Решением этой дилеммы может быть, очевидно, лишь новое рассмотрение дуализма революционного процесса 1917 г., отразившего многоплоскостной характер российской действительности. Если оставить в стороне сложный комплекс национальных движений и национальных революций 1917 г., которые требуют самостоятельного рассмотрения, то речь идет, в первую очередь, о полярности социальной структуры России и о глубоком разрыве между ее «верхами» и «низами». Он обуславливался уже упоминавшимися факторами малой развитости и численности средних слоев, слабой организованности российской общественности, неразвитости институтов и механизмов гражданского общества, инструментов идейного и политического воздействия буржуазных слоев на население. Ко всему этому присовокуплялся также фактор культурно-цивилизационный, различия между европейским и традиционным пластами российской цивилизации. Европейский пласт российской цивилизации нельзя, конечно, без остатка отождествлять с образованными и имущими слоями населения, тем не менее верно и то, что он был гораздо больше закреплён в общественных «верхах», чем в «низах». Дуализм революционного процесса приобретал, таким образом, и культурно-цивилизационный оттенок.

Проблема дуализма революционного процесса 1917 г. выступает весьма ярко и конкретно в связи с таким явлением, как двоевластие. Советская историография прошлого объясняла двоевластие в основном как параллельное развитие процессов буржуазной и пролетарской революций. В рамках иной понятийной системы им в сходном плане занималась и западная историография. Проблема «двоевластия» заслуживает тем не менее дальнейшего рассмотрения. Ее постановка была, как мне кажется, нередко очень узкой. Речь идет не только и не столько о том, что в революции оформились два властных центра. Гораздо более существенно было то, что разрыв между «верхами» и «низами» общества вылился в становление двух параллельных общественных структур, двух систем общества: одной, связанной с официальной властью после Февральской революции, с Временным правительством и его органами, с органами городского и регионального управления, с политическими и сословно-профессиональными организациями образованных и имущих слоев; и другой, возникшей на базе Советов, их общегосударственных и региональных объединений, и включавшей в себя всю сумму тех политических партий и организаций, которые были или непосредственно представлены в Советах или ориентировались на них как на основу нового общественно-государственного устройства¹⁹.

Советская система была, таким образом, с самого начала не только зародышем новой власти, но и зародышем новой общественной структуры, отличной от структуры европейского буржуазного общества. Из этой структуры исключались имущие и образованные слои общества.

Проблема двоевластия заслуживает, с одной стороны, нового рассмотрения также потому, что остается не вполне ясным характер того дуализма революции, который она выражала. Если отказаться от ленинских представлений о параллельном развитии буржуазной и пролетарской революций и о «перерастании буржуазной революции в пролетарскую», которые не были подтверждены последующим развитием СССР, то придется говорить о двух плоскостях не вполне

созревшей буржуазной революции: о революции буржуазных общественных слоев и о революции народных низов, революции плебейской.

Употребляю понятие «плебейский» сознательно и не только потому, что его можно найти в материалах того времени, в том числе и ленинских²⁰. Это понятие дает возможность отмежеваться от других характеристик революционного дуализма и в то же время провести сравнение со сходными явлениями в более ранних европейских революциях, в частности, в Великой французской революции. Плебейство XX в. при этом, конечно, не равно плебейству XVIII и первой половины XIX в. Экономические условия в мире значительно усложнились, сократились расстояния. Новые черты приобрела политика, изменились представления об обществе и о перспективах его развития. Все это наложило отпечаток на характер общественных «низов», на их состав, их социальную характеристику и ориентацию, на идеологию и восприятие ими социальных и политических интересов. Кроме того, новые экономические и политические условия в мире, новый инструментарий государственной власти, как и новые функции идеологий, создали для плебейских слоев новые возможности организации в структуре государственной власти. Это, впрочем, проявилось не только в прежнем СССР, но и в ряде других государств и режимов тоталитарного типа.

Если говорить о российском плебействе 1917 г., то к нему придется отнести различные слои рабочих — как представителей культурного слоя промышленного пролетариата, так и те группы, которые еще «не переварились» полностью; разные группы городского населения, занятого по найму, членов их семей; мелких ремесленников, торговцев и других представителей «сферы обслуживания»; солдат, служивших в гарнизонах больших городских центров, в первую очередь в Петрограде и Москве, матросов; чрезвычайно многочисленный беднейший слой деревни и т. д. При этом особо важной представляется характеристика культурного слоя промышленного пролетариата. В Петрограде и некоторых других городских и промышленных центрах страны этот слой воздействовал на политические и социальные события. Нельзя, однако, недооценивать влияния других слоев общественного низа. Они были многочисленны, разнообразны по своему составу, стихийны в действиях и нередко радикальны в методах, восприимчивы к разным вариантам антибуржуазной идеологии и политики, а значит, к разным вариантам социализма. Влияние буржуазной идеологии в этой среде было слабо, ее отношение к собственности осталось в целом весьма амбивалентным. В то же время эта среда по характеру представленных в ней интересов, по пониманию перспектив и целей революции, по политической и идейной ориентации партий и групп, к которым она тяготела, оставалась достаточно пестрой и неоднородной.

Основным элементом аргументации советской историографии в пользу социалистической тенденции революции 1917 г. была та специфическая роль, которую в ней сыграли большевики. Их победа в октябре 1917 г. и последующие радикальные перемены общественной и государственной жизни, перемены всего строя социально-экономических отношений казались достаточным подтверждением такой трактовки событий. Она тем не менее никогда не была вполне бесспорной. Никто иной, как Ленин, в 1919 г. утверждал, что пролетариат пришел в России к власти в революции, которая была мелкобуржуазной или даже буржуазной²¹. Только позднее, с лета 1918 г., эта революция приобрела, по его мнению, социалистический характер.

Достаточно известно, что в 1917 г. большевики не слишком прибегали к выдвижению требований, считавшихся, по тогдашним меркам, социалистическими. Социалистический характер революции они связывали главным образом с фактом ее завоевания «рабочим классом». Положительные возможности революции были при этом с первого момента жестко ограничены. Единственные задачи, которые она могла практически, а не чисто идеологически решать, заключались, как это вытекает из уже сказанного о ее «предпосылках», в преодолении российского экономического и культурного отставания от развитых стран, а также в обеспечении стабильного международного положения страны.

Необходимо напомнить известное высказывание К. Маркса о том, что о революционерах нельзя судить по их сознанию. Это в полной мере относится и к большевикам. Чрезвычайно важным при этом остается вопрос о социальной сущности большевизма. Этот вопрос существует в двояком виде: с одной стороны, он встает как вопрос о том, насколько можно выделять рабочих из всей совокупности общественных «низов», характеризовать их как носителей особого строя, идущего на смену капитализму, насколько можно также отделять большевиков от плебейской среды как целого, а большевистский вариант марксизма выделять из всей суммы тогдашних плебейских идеологий, подверженных так же, как целое, сильному влиянию социализма. В более узком плане этот вопрос стоит, с другой стороны, как вопрос о том, в чем и как состав членов

и руководящего ядра большевиков снизу и доверху отличался по характеру представленных в его среде социальных групп, по характеру их мировоззрения, их идеологии, психологии и менталитета, по навыкам их общественного поведения. В нашем распоряжении нет пока достаточно точных исследований этого сюжета. Такие исследования имеются преимущественно для последующего периода. Если, однако, учесть, что большевистская партия выросла в ходе 1917 г. приблизительно с 40 до 150 тыс. человек, то ответ на этот вопрос не будет представляться чрезмерно сложным.

Однозначные ответы на поставленные здесь вопросы трудно получить. Но каков бы ни был по своему характеру Октябрь 1917 г., его прямым следствием было оформление нового общественно-политического и экономико-социального строя, который существенно отличался от всех до той поры известных общественных формаций.

Октябрь 1917 г. не является, по нашему мнению, конечным пунктом послефевральского дуализма революционного процесса. Буржуазная линия революции была захлестнута войной плебейского переворота, революция вылилась в победу радикальных элементов плебейства, прежде всего их городского слоя. Эта победа была обусловлена не только нарастанием радикализма части плебейского лагеря; ее существенным фактором была уже упоминавшаяся слабость буржуазной социальной базы и прогрессирующий распад институтов и отношений прежнего общественного строя и системы. Социальная и политическая база Временного правительства распалась в действительности задолго до того, как власть захватили большевики. По определению Р. Ловенталя, нарастающий хаос обессилил правительство²⁵. С учетом даже этих обстоятельств говорить о захвате власти большевиками как о простом «путче» не приходится.

Победа большевиков не была, конечно, случайной. И она не была контрреволюционной реставрацией дореволюционного строя. В стране вследствие революции произошли колоссальные изменения. Их нельзя, однако, характеризовать простыми знаками — плюс или минус. В основе сегодняшнего отрицания роли и значения революции 1917 г. в действительности лежит уже упомянутая идеализация революций как фактора поступательного развития общества. По логике такого понимания общественные перевороты, которые не достигают своего идеологически заданного положительного результата или же имеют отрицательные последствия, не могут быть признаны революциями. В октябре, как до этого в феврале 1917 г., вновь сказалась недостаточная развитость и недостаточная закреплённость в России экономических и социальных структур гражданского общества. Революция получила тем самым исключительно сильный разрушительный размах, умноженный на последствия мировой, а затем и гражданской войн. В ее ходе был не только полностью разрушен уже подорванный традиционный строй, но и все здание нарождавшейся промышленной цивилизации, лежавшие в его основе отношения собственности, рынка, денежной системы организации и менеджмента предприятий, системы внутриотраслевой и межотраслевой кооперации, взаимоотношений города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, механизмов новаций, технического прогресса, обеспечения инвестиций, международных хозяйственных связей и отношений и т. д. Уничтожены были имущие и образованные слои и классы общества, и не только в переносном, социальном смысле этого слова; большая часть этих слоев и классов погибла или была уничтожена также физически. Их выжившие представители оказались на годы и десятилетия в условиях общественной дискриминации или прямых гонений.

Раз начавшись, процесс гонений и ликвидации культурного и образованного слоя охватил и саму плебейскую среду. Первоначально он затронул ее небошевистскую часть, а затем образованный слой в большевизме. Его представители были вытеснены с руководящих позиций в господствующей партии и в государстве, а затем, в 30-е гг., многие из них были ликвидированы физически. Та же участь постигла и многих представителей новой интеллигенции, выросших уже после революции из числа ее сторонников.

Последствием всего этого *была* полная плебеизация общества. Утрата большей части прежних элитарных слоев означала громадные потери общественного опыта, опыта общественной организации и оформления социальных интересов, культурного и научного потенциала, производственно-технических знаний. Все это сопровождалось настроениями антиевропеизма, направленными против ряда элементов европейской культуры, как и европейского культурного слоя в России в целом. В этом получили свое выражение культурно-цивилизационные аспекты раскола в обществе, кульминаровавшие в революции и после нее. Европейский культурный слой, как и европейские

и заграничные культурные влияния в целом, квалифицировались как «буржуазные», «буржуазно-помещичьи» или, если речь шла о политике и идеологии, как «империалистические».

Об исключительно сильном разрушительном характере плебейской революции в той форме, в какой она произошла в России, приходится говорить также и потому, что в ходе этой революции была прервана преемственность модернизационного процесса. Механизмы этого процесса, как и его дореволюционные результаты, были ликвидированы, общество было во многих отношениях отброшено назад. Возврат к прежним структурам и механизмам модернизации был после революции по социальным и политическим условиям общественной жизни закрыт. В послереволюционном обществе пришлось на новой основе строить и возобновлять горизонтальные и вертикальные структуры, заново создавать весь механизм модернизации. Модернизационный процесс приобрел тем самым совершенно новый характер, базирующийся на монопольном положении государства и правящей партии. Советский общественный строй нельзя в этом смысле рассматривать как простой продукт социалистических представлений, он был в гораздо большей степени продуктом самой революции и тех общественных изменений, к которым она привела.

Не ставя перед собой цель характеризовать послереволюционное развитие как целое, замечу следующее: сегодняшняя дискуссия о 1917 году тесно связана с крушением советского строя, партийной диктатуры, Советского Союза как государства и с обстоятельствами этого крушения. Система общества, выросшая из 1917 года, проходила разные фазы развития, открывавшие возможность альтернатив; она далеко не всегда представлялась современникам лишь в отрицательном свете. Развитие СССР при этом нельзя сводить лишь к «строительству социализма» или решению задач модернизации страны. Другой стороной этого развития был рост державности и великодержавности. Без рассмотрения этого аспекта послереволюционной истории, его причин и общественных корней вряд ли возможен полный ответ на вопрос о причинах крушения «советского эксперимента», а следовательно, и полный ответ на вопрос о роли и значении Октября 1917 г.

Примечания

¹ Только за последнее время появился целый ряд крупных работ, посвященных этой теме. См., напр.: Hildermeier M. Die Russische Revolution 1905—1921. Frankfurt/M., 1989; Pipes R. The Russian Revolution 1917. 2 Vol. N. Y., 1990; Bonwetsch B. Die Russische Revolution 1917. Eine Sozialgeschichte von der Bauernbefreiung bis zum Oktoberunsturz. Darmstadt, 1991. См. также: Service R. Lenin: a political life. 2 Vol. Bloomington, 1985, 1991.

² Об этом свидетельствуют некоторые выступления, а также дискуссия на Международной конференции о судьбах историографии, проходившая в Москве 5—12 апреля 1993 г.

Из этих работ можно упомянуть: M o g a v e c. Spor o revoluci. Praha, 1967; Janacek F., Sladek a kol. V revoluci a porevoluci. Kapitoly z dejin leninske politiky. Praha, 1967; Veber V.

K Leninovu projektu socialismu (Posledni obdobi Leninova zivota a prace). Praha, 1967; S tvrtecky S.

Ruska jar. Bratislava, 1968; Urban B. Zrod a konec velke diskuze. Socialneekonomické teorie dvacatých let v SSSR. Praha, 1968 и др. Появились также работы, затрагивающие историю чехословацких легионов в России в период революции и гражданской войны, публикации документов и воспоминаний, библиографии материалов и работ по истории революции, находящихся в Чехословакии и проч. Подробнее см.: R e i m a n M. Die sowjetische Geschichte als Problem der tschechoslowakischen Forschung im Wandel der sechziger Jahre//Jahrbucher für Geschichte Osteuropas 25 (1977). Н. 3. Wiesbaden, 1970.

Труды Троцкого как на чешском, так и на русском языке стали доступны чешским и словацким исследователям приблизительно с середины 60-х гг. Речь шла в первую очередь об «Истории русской революции», «Сталинской школе фальсификации», «Перманентной революции», его воспоминаниях «Моя жизнь» и др. Из западных авторов необходимо прежде всего назвать таких ученых, как И. Дейчер, Э. Карр, Л. Шапиро, Р. В. Дэниэлс, З. Д. Вольф, Д. Гайеридр.

⁵ Имею в виду капитальный труд Т. Г. Масарика «Rusko a Evropa» (Россия и Европа), первая часть которого в двух томах появилась на чешском языке в Праге в 1921 и в 1930 гг. Первое издание на немецком языке относится к 1913 г. В том же году Т. Г. Масарик был избран членом Российского исторического общества. Из работ Я. Славика, который был до войны директором Русского заграничного исторического архива, существовавшего при чехословацком Министерстве иностранных дел на средства чехословацкого государства, необходимо упомянуть вышедшие в 30-е гг. книги «Lenin» и «Leninova vlada» (Правительство Ленина), а также сборник воспоминаний о Февральской и Октябрьской революциях. Публикация его последней работы о Сталине была запрещена министерством иностранных дел Чехословакии, работником которого он как директор архива считался. Причиной было нежелание портить отношения с СССР в период нараставшей угрозы со стороны национал-социалистической Германии.

⁶ Статья опирается на более ранние работы автора по этой теме: Ruska revoluce. 23. unor — 25 říjen 1917. Praha, 1967 (см. также рус. изд.: Русская революция. 23 февраля — 25 октября

1917 г. Прага, 1968; Lenin, Stalin, Gorbachev. Kontinuitat und Briiche in der sowjetischen Geschichte. Hamburg, 1987; Rijnova revoluce v kontextu ruskych a sove tskich dejin (1976)//Ruska revoluce... изд. 2. Praha, 1991. S. 266[^]-285; Das sowjetische politische System. Probleme seiner Entstehung und Entwicklung//Die Politischen Systeme der sozialistischen Lander. Entstehung-Funktionsweise-Perspektiven/Hrsg. G.-J. Glassfher, M. Reiman. Frankfurt/M; Bern; N. Y.; Paris, 1991. S. 27—39.

См., напр.: Степанов А. И. Место России в мире накануне первой мировой войны//Вопросы истории. 1993. № 2. С. 156—163.

⁸ Причины российского отставания являются самостоятельной сложной темой. Говоря об органическом характере российского отставания, я имею в виду географические, природные, демографические, а также геополитические факторы, которые сказались на особенностях как производственного, так и общественного и государственно-политического строя страны. Они в ряде пунктов существенно отличаются от тех факторов, которые формировали строй жизни западно- и средневропейских стран.

⁹Masaryk T. G. Rusko a Evropa. Dil 1. Praha, 1930. S. 3.

¹⁰ См., напр.: В о в у к i n V. I. Probleme der industriellen Entwicklung Russlands//Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionaren Russland/Hrsg. von D. Deyer. Koln, 1975. S. 208.

¹¹ См.: Степанов А. И. Указ. соч.; Минц И. И. История Великого Октября. Т. 1. М., 1967.

¹² Имею опять в виду прежде всего результаты исследований сторонников концепции «мно гоукладности» российской экономики.

¹³ Милюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1. София, 1921. С. 12—13.

¹⁴Чернов В. Рождение революционной России (Февральская революция). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 33 и след.

¹⁵ В данном случае имею в виду тенденции, наиболее полно выраженные Лениным начиная с его известного труда «Что делать?». Эта тенденция большевизма подверглась критике еще со стороны меньшевистского крыла российской социал-демократии. На переломе 1903—1904 гг. она была охарактеризована П. Б. Аксельродом как выражение борьбы радикального крыла демократической (якобинской) интеллигенции против классовой самостоятельности пролетариата. Ср.: Martow — Dan. Die Geschichte der russischen Sozialdemokratie. Berlin, 1926. S. 89—90.

¹⁶ Эта тенденция нашла в свое время выражение в исследовании А. Г. Рашина «Формирование рабочего класса России» (М., 1958) и была затем продолжена целым рядом авторов. Параллельно, однако, в литературе фигурировала и прежняя оценка — 4—4,5 млн. человек.

¹⁷ Это вытекает уже из того факта, что рост промышленности в России был особо интенсивен в период 90-х гг. XIX в.

¹⁸ В особенности в книге «Русская революция. 23 февраля — 25 октября 1917 г.», где этот тезис выражен уже в самом ее названии.

¹⁹К их числу необходимо, очевидно, в первую очередь отнести социалистические политические партии, фабзавкомы, разные профсоюзные формирования, солдатские комитеты и т. д. Они являются составной частью структуры и тогда, когда выступают за соглашение с Временным правительством и за сохранение буржуазных рамок революции. Это в особенности относится к системе крестьянских советов, существовавшей автономно от системы рабочих и солдатских Советов.

²⁰ В этом можно убедиться, заглянув в предметный указатель к Сочинениям В. И. Ленина.

²¹ См.: Восьмой съезд РКП (б): Протоколы. М., 1959. С. 20.

²² См. обсуждение этого вопроса на VI съезде РСДРП (б), в особенности доклад Сталина о политическом положении и заключительное слово по нему: Шестой съезд РСДРП (большевиков): Протоколы. М., 1958. С. ПО—114 и 142—144.

²³ М а р к с К. Предисловие к «Критике политической экономии»//Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1949. С. 322.

²⁴ См., напр.: Service R. The Bolshevik Party in Revolution. A Study in Organisational Change 1917—1923. L., 1979; Schroder. Arbeiterschaft, Wirtschaftsfuhrung und Parteibiurokratie wahrend der Neuen Okonomischen Politik. Eine Sozialgeschichte der Bolschewistischen Partei 1920—1928. Berlin, 1982.

²⁵ Ср., напр.: Lowenthal R. Der russische Oktober als Revolution neuen Typs//Deutschland und die Russische Revolution/Hrsg. v. H. Neubauer. Stuttgart; Berlin; Koln; Mainz, 1968. S. 25—26.

²⁶ Ср., напр., с исследованиями в книге: Party, State and Society in the Russian Civil War. Explorations in social History/Ed. by D. P. Koenker, W. G. Rosenberg and G. Suny. Bloomington; Indianapolis, 1989.